

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Н. Зарубина

д.филос.н., профессор, МГИМО МИД России (Москва)

НАУЧНАЯ МЕТАФОРА «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ»: АНАЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье рассматривается понятие «человеческий потенциал», получившее распространение в социальных науках. Показано, что рассмотрение его в качестве многозначной научной метафоры открывает перспективу исследований роли и места человека в современных процессах экономического и социального развития, в сфере труда и социального творчества, инновационной деятельности. Его отличие от хорошо уже известного понятия «человеческий капитал» состоит не только в учёте личностных качеств индивида, но в новых ракурсах исследований институциональных и культурных условий приобретения и накопления разнообразных ресурсов, а также возможностей их реализации в профессиональных и трудовых, творческих, социальных, культурных и других контекстах. Метафора «человеческий потенциал» позволяет учитывать и исследовать связь прошлого, настоящего и будущего в его накоплении и реализации, а также связь индивидуального и коллективного, личностного и институционального в процессе приобретения, накопления и реализации. Современная цивилизационная аналитическая перспектива в интерпретации Ш. Эйзенштадта рассматривается в качестве плодотворного методологического подхода, позволяющего исследовать активность социальных агентов в конкретных культурных и институциональных условиях и при учёте исторической контингентности, т.е. исследовать специфику человеческого потенциала конкретных социальных общностей в конкретный момент времени. Цивилизационный анализ человеческого потенциала даёт возможность раскрыть особенности его исторического становления и реализации, природу его многообразия, динамики в условиях социальных трансформаций, значение инакомыслия и протестных движений в возникновении новых форм человеческого потенциала. Представления о «множественности модерностей» обосновывает неповторимость путей к формированию современного человеческого потенциала обществ, принадлежащих к разным цивилизациям. Цивилизационный подход позволяет также объяснять многообразие ответов разных обществ на вызовы цифровизации для их человеческого потенциала. Делается вывод о плодотворности цивилизационного анализа в исследованиях возможностей формирования и реализации человеческого потенциала российского общества в условиях современных геополитических вызовов.

Ключевые слова: *человеческий потенциал, научная метафора, социальные трансформации, институты, цивилизационная аналитическая перспектива, «множественные модерности», цифровизация.*

JEL: A11, A12, A13, B41, B50

УДК: 303.01, 303.04, 304.5

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_159_174

© Н.Н. Зарубина, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зарубина Н.Н. Научная метафора «человеческий потенциал»: аналитические возможности цивилизационного подхода // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 159–174.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_159_174.

FOR CITATION: Zarubina N. Scientific Metaphor «Human Potential»: Analytical Capabilities of the Civilizational Approach // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 159–174. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_159_174.

Постановка проблемы

Сегодня перед нашим обществом одновременно встали проблема цивилизационного выбора, решаемая сейчас в пользу самостоятельности России как «государства-цивилизации», и проблема поиска внутренних ресурсов для преодоления вызовов и угроз, для решения задач экономического развития в условиях санкций и внешнего давления. Представляется, что главным ресурсом, которым наше общество располагает, является *человеческий потенциал*, который надо не только поддерживать, формировать в соответствии с требованиями момента, но и реализовывать с помощью соответствующей институциональной среды. Всё это требует целенаправленных действий от государства и различных профессиональных сообществ — научного, педагогического и т.д., для чего необходимо научное знание о человеческом потенциале современной России.

Одной из проблем поиска научных оснований исследований человеческого потенциала является неопределённость как самого понятия, так и методологических оснований и подходов к его исследованию. Понятие «человеческий потенциал» начало использоваться относительно недавно и в настоящее время предполагает разграничение с такими близкими понятиями, как «человеческий капитал», «культурный капитал» и т.п. Междисциплинарные исследования человеческого потенциала, которые ведутся экономистами, психологами, представителями менеджериальных наук, социологами, часто обобщают и анализируют это понятие на основе предложенного еще П.А. Сорокиным принципа интегрализма [Сорокин, Позднухова, 2023. С. 32]. Можно предположить, что если рассматривать человеческий потенциал не как строгое понятие, а как научную метафору, то она окажется весьма плодотворной.

Проблема настоящей статьи — выявление основных смысловых пластов научной метафоры «человеческий потенциал» и их пересечений с цивилизационной аналитической перспективой. Методологические возможности такого подхода полезны для исследований человеческого потенциала социальных общностей в конкретных исторических обстоятельствах, но на сегодня они представляются недооценёнными.

Человеческий потенциал: научная метафора, задающая аналитическую перспективу

В последние десятилетия понятие «человеческий потенциал» стало часто использоваться в экономике, социологии и других социальных науках. Это вызывает дискуссии о его определении, операционализации, а также о его специфическом содержании по сравнению с уже устоявшимся, хотя тоже не вполне определённым понятием «человеческий капитал». Хотя последнее получило широкое применение в экономических науках и социологии, о его определении, содержании и индикаторах продолжают споры (см., например, [Соболева, 2022]). Здесь ни в коей мере не ставится задача анализа дискуссий о «человеческом капитале», выделю лишь один момент, представляющийся значимым для развития нашей темы. Известная исследовательница риторики экономического знания и центральной роли в ней научных метафор Д. Макклоски говорит о метафоре человеческого капитала, соединяющей заимствованные из экономической теории идеи инвестиций в оборудование и навыков работников, которые благодаря ей поясняют друг друга, «обмениваясь своими коннотациями», от чего «обе выигрывают» [Макклоски, 2015. С. 59]. В.В. Радаев в работе, посвящённой инструментализации понятия капитала и его форм в социологии, назвал его нынешнее использование «метафорическим», путь от которого к операциональным категориям является «неблизким и витиеватым» [Радаев, 2002. С. 20].

Действительно, перенос категории капитала из экономической науки в социологию, осуществленный П. Бурдьё, породил такие понятия, как «социальный», «культурный», «символический» и другие капиталы, которые, несмотря на наличие у них таких свойств, как способность к производству прибавочной стоимости, к конвертации, к накоплению и т.д. [Радаев, 2002], всё же являются скорее метафорами, поскольку допускают различные интерпретации.

В то же время некоторые исследователи полагают, что, даже при расширительном толковании *человеческий капитал* является строгим понятием, так как подпадает под определение капитала, даваемое экономической наукой, и представляется собой окупаемые вложения в человека [Капелюшников, 2012. С. 6–7]. Как правило, это инвестиции в образование, квалификацию и здоровье работников, которые могут принести реальные исчисляемые преимущества на рынке как самому работнику, так и работодателю. Расширительный подход (Г. Беккер, Дж. Коулмен, Р.М. Нуреев и др.) предполагает обязательное включение в содержание понятия человеческого капитала, помимо количественных, и качественные характеристики рабочей силы, такие как мотивация, ценности, эмоциональный настрой, характер образования и т.д.

Н.М. Плискевич, которая характеризует понятие «человеческий капитал» как метафору, убедительно показывает, что формальные количественные показатели не дают представлений о реальном состоянии человеческого капитала в конкретных условиях. Раскрыть эвристические возможности этого понятия позволяет именно трактовка его как широкой метафоры. Она позволяет выявить не только приносящие реальные денежные преимущества на рынке особенности квалификации и навыков, но и исследовать их качественные характеристики, имеющие потенциал раскрытия в будущем; исследовать не только носителей высокой и востребованной, обеспечивающей реальную прибыль, но любой квалификации; раскрыть национальные, культурные, исторически обусловленные особенности человеческого капитала. Такой подход даёт возможность шире взглянуть на составляющие его элементы, синтезировать разные ракурсы исследований. Причём это не означает выхода за рамки научного экономического анализа [Плискевич, 2012. С. 28–44]. Как утверждает на основе анализа развития понятия человеческого капитала В.А. Аникин, его сведение исключительно к продолжительности образования и получения квалификации — не просто сужение аналитических возможностей понятия, оно «вредно для общества», поскольку игнорирует те личностные качества и компетенции, которые позволяют эффективно использовать человеческий капитал и нуждаются в целенаправленном развитии [Аникин, 2017. С. 134].

Качественно расширенные содержательные аспекты метафоры «человеческий капитал» сближают её с другой метафорой — *человеческий потенциал*. Иногда их используют как синонимы, не объясняя различие смыслов [Плискевич, 2024. С. 175]. Встречаются подходы, при которых расширительная трактовка человеческого капитала фактически пересекается с человеческим потенциалом. Так, в монографии Н.Е. Тихоновой и её коллег в названии, а также в названиях глав используется понятие «человеческий капитал», а в тексте часто говорится о «человеческом потенциале» [Тихонова, Латов, Датова, Каравай, Слободенюк, 2023. С. 143, 147, 218, 341–342 и др.]. В то же время, различие понятий-метафор, обусловленное научным дискурсом их использования, существует, и я постараюсь его раскрыть.

Понятие «человеческий потенциал», как представляется, изначально возникло как метафора, за которой в разные периоды развития дискурса социальной динамики, трансформаций и модернизации общества, стояли разные смыслы и разные аналитические перспективы.

Во-первых, это *метафора разностороннего развития и возможностей человека на микроуровне*, в 1960–1970 гг. инициированная трудами психологов и направленная на то, чтобы привлечь внимание к развитию индивида на фоне общей сосредоточенности иссле-

дователей и практиков на проблематике экономического роста (Human Potential Movement). Это учёт личностных качеств, способствующих реализации индивида как работника, таких как потребность в осмысленном содержании труда, а также позволяющих это делать институциональных условий [Аникин, 2017. С. 134]. Н.Е. Тихонова, исследуя человеческий потенциал российских профессионалов, подчёркивает, что в современном мире он представляет собой «не только знания и навыки, но и многие важные для эффективной деятельности работников личностные особенности». Это «готовность к саморазвитию, инициативность, осознанная ответственность за собственную жизнь и т.д.» [Тихонова, 2020. С. 71].

Во-вторых, инициированное А. Сенем использование человеческого потенциала как *метафоры расширения возможностей самореализации индивидов, свободного выбора образа жизни*. Ключевым здесь является понятие возможностей, с реализацией которых связан человеческий потенциал. В операционализированном М. уль Хаком виде эта концепция легла в основу вычисления Индекса человеческого развития (ИЧР / Human Development Index (HDI)). В уточнённой в 2010 г. формулировке он становится *метафорой человеческого развития*. Его определение выглядит так: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете»¹.

В-третьих, мы видим *метафоры человеческих ресурсов* на уровне компании, когда её эффективность и конкурентоспособность рассматриваются как производные от способности реализовывать потенциал сотрудников и управлять им. В таких случаях человеческий потенциал рассматривается как «дополненный» человеческий капитал или некие качества, не входящие в понятие человеческого капитала — желание учиться, любознательность, проактивность, мотивация и т.п. [Сорокин, Позднухова, 2023. С. 30–32].

В-четвёртых, академик Т.И. Заславская определяет человеческий потенциал как «готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими общностями» [Заславская, 2005. С. 10]. Это определение представляется наиболее интересным, поскольку фактически здесь человеческий потенциал становится *метафорой жизнеспособности общности*. Автор определяет общность, которая обладает человеческим потенциалом, как национальную, подразумевая национальное государство. Однако представляется, что её в таком понимании можно использовать и более широко, распространяя и на полиэтнические общности на макроуровне, и на социальные, профессиональные, культурные и т.д. общности на мезоуровне.

Характерно, что к рассмотрению человеческого потенциала Т.И. Заславская обращается в контексте обсуждения проблем модернизации российского общества, которая как раз подразумевает ответ на вызовы современного развития. Наряду со способностью к *демографическому и социально-экономическому воспроизводству*, предполагается *социокультурный потенциал* как способность воспроизводить значимые особенности менталитета, социализации, противостоять вызовам для нравственных, духовных императивов данной общности. Кроме того, социокультурный потенциал как проявление жизнеспособности общества/общности состоит в способности противостоять деградации нравственности, саморазрушительному и девиантному поведению и т.д. Столь же значим и *деятельностный потенциал*, означающий способность воспроизводить в ответ на вызовы современности творческие, проактивные, инновационные способности социальных акторов. Нетрудно увидеть, что все выделенные Заславской составляющие человеческого потенци-

¹ Индекс человеческого развития — Гуманитарный портал // <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index?ysclid=lx3dbskney37435521> (дата обращения: 20.06.2024).

ала общности переплетены между собой, оказывают друг на друга существенное влияние [Заславская, 2005. С. 10].

Человеческий потенциал в таком понимании тесно связан с характеристиками социальной, институциональной системы, позволяющей его формировать и реализовывать [Сахарновский, 2012. С. 87]. Именно качество институтов использования человеческого потенциала определяет его конвертацию в уровень экономического развития. А.А. Аузан обращает внимание на то, что высокий уровень человеческого развития (в терминологии Индекса человеческого развития ООН) не обязательно проявляется в высоком уровне валового продукта на душу населения [Аузан, 2023. С. 45–46], как это видно на примере нашей страны.

В-пятых, очевиден *метафорический характер самого понятия «потенциал»*: он накапливается, а затем может как реализоваться в каких-то эффективных практиках, так и стагнировать и даже сокращаться. Само использование понятия «потенциал» означает сложную связь прошлого, настоящего и будущего, индивидуального и коллективного. Человеческий потенциал формируется *в прошлом*, реализуется в социальных практиках и институциональных рамках, которые возможны только *в настоящем*, а *в будущем* он обеспечит самосохранение и подъём индивида и общности на новый уровень самореализации. Человеческий потенциал означает не только реально востребованные на современном рынке труда навыки и квалификацию, но и те, которые могут быть востребованы в будущем [Сорокин, Позднухова, 2023. С. 36]. Аналогично, это и те деятельностные, когнитивные, моральные качества, мотивация и т.п., которые могут реализоваться в будущем в определённых институциональных условиях и контекстах определённой культурной среды. Проблема состоит именно в подходящих условиях, делающих актуальными те или иные характеристики человеческого потенциала.

Носителем составляющих человеческого потенциал качеств является индивид, но они могут быть приобретены только в коллективах, в рамках их нормативных и ценностных контекстов. Знания, квалификация, деятельностные установки, мотивация и т.п. являются продуктом социализации, всегда происходящей в социальных общностях в рамках специальных институтов. Реализовываться человеческий потенциал индивида также может при наличии культурных и институциональных условий, задаваемых принадлежностью к исторически развивающимся общностям. Поэтому он различается как в группах и сообществах — этнических, профессиональных, гендерных, возрастных, территориальных, профессиональных и т.д. внутри одного общества, так и в разных обществах. Например, в дореволюционной России старообрядцы, в силу особенностей их мировоззрения и условий жизни, накопили и реализовали потенциал предпринимательской активности, а неформальная организация институтов взаимной поддержки в старообрядческих общинах способствовала её реализации.

Человеческий потенциал общности как на мезо-, так и на макроуровнях является не простой суммой потенциалов отдельных индивидов и групп, а представляет собой их эмерджентный эффект, определяемый условиями накопления и реализации. Например, хорошо известно, что россияне являются авторами многих знаковых изобретений и технологических инноваций, которые затем дорабатывались и воплощались в жизнь за пределами нашей страны. То есть изобретатели, видящие новые возможности, люди, способные придумать нестандартные решения технических проблем, в России всегда были, чему способствовала прежде всего русская культура [Зарубина, 2015]. Однако практическая реализация и тем более внедрение на потребительский рынок с целью получения прибылей нередко тормозились институциональной системой, как, например, внедрение в русской армии начала XX в. изобретённой А.С. Поповым радиосвязи. Современные исследования показывают, что российские технопредприниматели, работающие в самых передовых технологических отраслях, мотивированы в первую очередь творчеством, в то время как

рыночные преимущества, получаемые от внедренных на рынок инноваций, их интересуют в меньшей степени [Бычкова, Гладарев, Хархордин, Цинман, 2019].

Институциональные трансформации и динамика ценностей вызывают к жизни изменения социального запроса на человеческий потенциал определённого качества и уровня, востребованность обществом различных видов и составляющих человеческого потенциала. Например, привычные образовательные практики могут перестать соответствовать потребностям рынка труда в условиях быстрых технологических изменений. Периоды нестабильности могут усилить востребованность таких составляющих человеческого потенциала, как инновативность, творчество, проактивность, и поставить вопрос об адекватности существующих институтов их реализации.

В условиях институциональных трансформаций человеческий потенциал может не только развиваться, но и, напротив, обесцениваться, деградировать, не находя себе соответствующего применения [Плискевич, 2022]. Н.М. Плискевич, используя понятие «человеческий капитал» в расширенном понимании, фактически синонимично человеческому потенциалу, отмечает, что в условиях социальных трансформаций он деградирует, если разрушаются институты его использования и воспроизводства, хотя потребность в нём может сохраняться. Революции оказываются особенно дисфункциональными для накопления и реализации человеческого потенциала, поскольку они не только разрушают и производящие и использующие его институты, но и радикальным образом меняют ценностные ориентации, привычные нормы поведения, формы профессиональной деятельности людей [Плискевич, 2012. С. 61–63]. Так, Россия 1920-х гг. XX в. столкнулась с острым дефицитом высококвалифицированных кадров, необходимых для восстановления экономики и вообще налаживания нормальной жизни после окончания гражданской войны, однако накопленный человеческий потенциал частично был утрачен вследствие прямых военных потерь и массовой эмиграции, частично как бы «законсервировался», и для его актуализации были необходимы институциональные и культурные трансформации².

Технологические переходы также становятся вызовами для накопленного человеческого потенциала как высокого, элитарного, так и рутинного уровня. Быстрое внедрение новых технологий обесценивает накопленные ранее практические и когнитивные навыки, квалификацию, а также в более широком плане — способы взаимодействия с окружающей средой и людьми, нормы поведения, мотивацию. Так, в условиях цифровизации, а затем и быстрого распространения искусственного интеллекта исчезают или обречены на исчезновение целый ряд профессий и занятий, в том числе и связанных с высоким уровнем определённой квалификации. При этом оказываются востребованы новые профессии, требующие не обязательно высоких, но качественно иных компетенций [Кёниг, 2023. С. 107–108]. Аналогичные процессы происходили при переходе от доиндустриального к индустриальному укладу и, как известно, сопровождались тяжёлыми социальными потрясениями.

В-шестых, представляется особенно важным, что человеческий потенциал может быть *метафорой проактивной деятельности*, свободы воли, способности поступать вопреки нормам и запретам. Дело в том, что турбулентные процессы, происходящие во всех сферах современных обществ, порождают непредвиденные последствия и обстоятельства, в которых прежний опыт, т. е. нормы и стандартные действия оказываются неэффективны. Важнейшим качеством человеческого потенциала становится проактивность

² В то же время история экономического роста 1930-х гг. связана не только с крайней централизацией процессов и возможностью концентрации ресурсов на приоритетных направлениях. Не менее важно и то, что в стране, несмотря ни на что, сохранился достаточно значимый слой носителей качественного человеческого потенциала, сформировавшихся и получивших образование до революции и внесших огромный вклад и в экономическое развитие, и в «культурную революцию» [Балацкий, Плискевич, 2017]. Обычно это игнорируется.

как способность самостоятельно определять и изменять среду, условия, цели и средства его приложения. Пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала непригодность устоявшихся норм и институтов как здравоохранения, так и труда и занятости, образования, предпринимательства и т.д. в качественно новой среде и потребовала инновационных решений. Результатом стал рост дистанционных форм взаимодействий в различных сферах, быстрый рост нестандартных форм занятости, активизация новых форм бизнеса, в том числе в интернете³. Кроме того, проактивность как качество человеческого потенциала востребуется и в результате усложняющихся геополитических вызовов, экономических санкций, распространения «культуры отмены», попыток изоляции нашей страны. Многократно усложнившиеся условия требуют нестандартных решений от хозяйственников и управленцев, бизнеса, от всех, кто обеспечивает нормальное функционирование социальных институтов и развитие страны вопреки сложившимся обстоятельствам.

В-седьмых, хотелось бы отметить и особую значимость, которую приобретает человеческий потенциал в условиях интенсивной цифровизации и внедрения искусственного интеллекта в разные сферы жизни общества. Здесь человеческий потенциал может означать *те специфические качества, которые отличают человека, его сознание, мышление, чувство от машинного интеллекта*. Французский исследователь Г. Кёниг выделяет такие качества, как здравый смысл, чувство юмора, эмпатию, которым невозможно обучить искусственный интеллект, способный их лишь имитировать [Кёниг, 2023]. Именно эти качества составляют ничем не заменимый потенциал человека, который, как предполагается, будет особенно востребован в цифровом обществе.

Можно было бы продолжать перечислять разнообразные смыслы метафоры «человеческий потенциал». Она используется разными социальными науками — экономикой, социологией, научным менеджментом, психологией и т.д., что позволяет говорить о её междисциплинарном характере. Кроме того, исследователи отмечают, что метафора «человеческий потенциал» позволяет открывать новые аспекты в уже освоенных предметных областях, новые ракурсы постановки классических проблем, а также актуализировать фронтальные разработки, соединяющие потенциал различных научных подходов и парадигм [Овчарова, Аникин, Сорокин, 2023. С. 8].

Таким образом, именно метафорический характер понятия «человеческий потенциал» — не слабая, а сильная его сторона. Ибо сила метафоры именно в неопределённости и неясности, которая мобилизует интуицию и эвристику [Шмерлина, 2017. С. 19]. А.И. Кравченко даже утверждает, что «новые яркие метафоры формируют успешную научную теорию», по его мнению, образование новых ярких «живых» метафор — это признак жизнеспособности и продуктивности науки [Кравченко, 2016. С. 129]. Д. Макклоски подчёркивает, что невозможно думать об экономике только «на языке математики и логики», не используя метафор, и назвала метафору «самым важным приёмом экономической риторики» [Макклоски, 2015. С. 55]. Метафора связывает уже известные области с исследуемыми, неизвестными, позволяет синтезировать исследовательские перспективы и предметные области. Наиболее яркие метафоры в экономической теории, по мнению Д. Макклоски, служат для передачи новаторских идей, а также сравнения экономических теорий с неэкономическими, при этом многозначность метафор делает их эвристические возможности практически неисчерпаемыми [Там же. С. 58–59]. В то же время метафора может и блокировать правильное понимание реальности, если она является лишь продуктом наименования сущего, т.е. лингвистической активности, а не познания, стремящегося

³ По данным Глобального мониторинга предпринимательства, в 2020 г. в России 21% начинающих предпринимателей отметили, что пандемия открыла для их бизнеса новые возможности (Глобальный мониторинг предпринимательства. Национальный отчёт. Россия 2020–2021. С. 37. URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/data/2010_11_23_sovkomflot/otchet_2021-red-2_send.pdf (дата обращения: 12.08.2024).

к открытию новых смыслов, к формированию новых концептов и понятий [Шмерлина, 2017. С. 19–20].

Представляется, что метафора человеческого потенциала является продуктивной в силу того, что выполняет текстообразующую функцию: она «может стать той ниточкой, начав распутывать которую можно прийти к развитой системе тезисов, понятий, концептуализаций» [Абрамов, 2008. С. 28]. Она намечает аналитическую перспективу, формирует исследовательскую установку, которая реализуется в разных предметных и дисциплинарных полях и позволяет концептуализировать человеческие составляющие экономического развития, социальных, культурных и технологических сдвигов.

Таким образом, метафора человеческого потенциала, в отличие от расширенных толкований человеческого капитала, не только шире, поскольку учитывает мотивацию, ценностные ориентации, мировоззренческие, поведенческие и другие личностные особенности работника [Аникин, 2017. С. 134]. Она делает больший акцент на институциональных условиях реализации личностных ресурсов индивидов и сообществ в контекстах решения национальных, общегосударственных проблем, связанных с ответами на вызовы становления новых технологических укладов, императивов модернизации и постмодернизации, а в целом — повышения жизнеспособности общества. Именно поэтому широкая метафора человеческого потенциала, которая нередко критикуется исследователями именно за «неопределённость», в современной конкретной ситуации оказалась востребована российскими социальными науками.

В фокусе двух аналитических перспектив: цивилизационный подход к проблематике человеческого потенциала

Анализ человеческого потенциала на национальном уровне, на уровне больших социальных сообществ, требует учёта конкретных исторических условий его формирования. Представляется, что для этого может служить современный цивилизационный подход, плодотворность которого как раз определяется комплексным анализом *структуры—культуры—действия* с учётом исторической контингентности [Браславский, 2013]. Одними из первых цивилизационный подход использовали для анализа человеческого потенциала авторы монографии «Россия как цивилизация: материалы к размышлению» [Россия как цивилизация..., 2015], что позволило им получить интересные результаты о влиянии заимствованных в ходе постсоветских реформ институтов на человеческий потенциал российского общества.

Современный цивилизационный анализ используется прежде всего историками, культурологами, социальными философами, во-первых, как альтернатива линейному подходу к исследованиям социальной динамики. В последние десятилетия цивилизационный подход стал востребованным инструментом изучения различных темпов, векторов, типов и результатов современных социально-экономических трансформаций в западных обществах. Во-вторых, несколько реже он востребован как методологическая альтернатива институциональному и ценностному подходам, рассматривающая их в качестве *среды действий* людей, создаваемой их активной деятельностью. При этом в социальных науках он характеризуется именно как аналитическая перспектива, рассматривающая различные аспекты жизни общества под углом зрения человеческой активности, не просто включённой в институциональные и культурные контексты, но активно их создающей в условиях исторической контингентности [Браславский, 2013].

При всём многообразии определений цивилизации и её аналитической направленности, я остановлюсь на подходе Ш. Эйзенштадта. На мой взгляд, он в наибольшей степени отражает перспективу цивилизационных исследований, предполагающую интегриро-

ванный макро-микро анализ, объединяющий действия, институциональные структуры, культурные и духовные ценности, помещённые в контексты исторической уникальности каждого конкретного общества [Eisenstadt, 2003a. P. 17].

По Ш. Эйзенштадту, понятие цивилизации предполагает зародившиеся в «осевое время» представления об идеальном трансцендентном порядке, задающие базовые онтологические и космологические концепции, духовные и культурные ориентиры и институциональные способы регулирования различных «арен» социальной жизни с целью разрешения экзистенциального противоречия между трансцендентным идеалом и реальностью. При этом каждая цивилизация порождает множество альтернативных духовных, культурных, идеологических, символических систем и соответствующих им нормативно-институциональных способов регуляции хозяйственной, социальной, политической, повседневной жизни, воплощаемых посредством активности социальных агентов [Eisenstadt, 2003b. P. 34].

Исследователи обращают внимание на то, что Ш. Эйзенштадт выделяет не какую-либо центральную «культурную программу», из которой развивается цивилизация, а широкую «проблематику» как совокупность идей, проблем, перспектив, доступных для обсуждения. Анализ этой проблематики приводит к различным, в том числе и противоположным, взаимоисключающим, конфликтующим интерпретациям, что, в свою очередь, открывает возможности дальнейших исследований человеческой активности и креативности [Браславский, Козловский, 2023. С. 118]. Многообразие реальных воплощений христианской, исламской, буддийской и т.д. культурных повесток и соответствующих регулятивных институтов в различных регионах мира демонстрирует не только способы реализации цивилизационных «повесток», но и влияние на них конкретных исторических условий. Под влиянием исторической контингентности из единой повестки развиваются практически автономные цивилизационные проекты, такие как североамериканская цивилизация, существенно отличающаяся от европейской, или российская «цивилизация-государство».

Рассмотрим несколько важных пересечений цивилизационной аналитической перспективы в интерпретации Ш. Эйзенштадта и исследований человеческого потенциала. Прежде всего он представляется наиболее перспективным для исследований человеческого потенциала конкретных обществ, поскольку рассматривает человеческую активность и креативность в контекстах возможностей и ограничений, накладываемых культурной и институциональной сферами, а также фундаментальной неопределенности человеческого существования, инициирующей постоянное конструирование и обновление социального порядка и культуры [Eisenstadt, 1998. P. 39].

Как мы видим, цивилизации гетерогенны, они включают различные типы социальной активности, формируют соответствующие виды востребованного человеческого потенциала, цивилизационные процессы создают условия для развития личности в различных социальных группах и, в конечном счёте, условия для жизнеспособности конкретных обществ. В качестве примера можно привести западноевропейскую Реформацию, сформулировавшую в XVI в. новые мотивационные принципы для повседневной мирской активности и, таким образом, давшую мощный импульс для развития капиталистической экономики и развития рациональных институтов в различных областях жизни общества (М. Вебер). В культуре России также всегда присутствовали альтернативные варианты повестки, каждая из которых по-своему представляла человека и основания для развития человеческого потенциала. Различные интерпретации базовых ценностей православия и институтов, регулирующих жизнь верующих и задающих монашеский идеал в XV в., предлагали стяжатели и нестяжатели, идеи вселенского православия и имперского устройства общества латентно утверждали реформы патриарха Никона в XVII в. в противоположность национальной замкнутости старообрядческой Руси. Западники и славянофилы, затем евразийцы и другие сторонники цивилизационной специфики России с XIX в. и по сей день предлагают различные варианты развития страны, суть которых кратко можно

сформулировать как альтернативу автономной личности, защиты индивидуальных прав и свобод, индивидуальной ответственности, с одной стороны, и приоритета коллективизма, сильного государства, олицетворяющего общие интересы и цели, поддерживающего идеал социальной справедливости, — с другой. Ясно, что столь разные предполагаемые видения человека, его отношения с обществом и государством предполагают и формирование различного человеческого потенциала, прежде всего в его мотивационной, социокультурной и социально-психологической составляющей [Тихонова, 2023. С. 18].

Как известно, Н.А. Бердяев предложил рассматривать историю и культуру России сквозь призму антиномий национального сознания. А.С. Ахиезер рассматривал российскую цивилизацию через оптику расколов и инверсионных переходов между соборным и авторитарным идеалами на протяжении её более чем тысячелетней истории [Ахиезер, 1997]. А.А. Аузан говорит о «двухъядерной» экономической культуре и биполярности России: К-Россия — коллективистские ориентации, преобладающие на большей части территории европейской части страны, за исключением мегаполисов, и И-Россия — индивидуалистические ориентации, преобладающие к востоку от Урала и в мегаполисах. По мнению учёного, это «два рычага» для развития России, поскольку каждый из них создаёт собственный специфический человеческий потенциал. И-Россия — это потенциал инноваций, конкуренции, демократических институтов, а К-Россия — потенциал стабильности, постепенных изменений, солидарности, взаимопомощи [Аузан, 2023. С. 70–72]. Задача состоит в том, чтобы использовать потенциалы обеих в качестве «моторов» развития, избегая их «взаимной блокировки» [Там же. С. 76].

Попытки искусственного заимствования и насаждения ценностей и институтов оказываются непродуктивными для развития человеческого потенциала вследствие его глубокой укоренённости в цивилизационных основаниях общества. В определённый момент «чужие» институты вступают в противоречие с условиями воспроизводства человеческого потенциала, начинают тормозить его развитие и снижать его уровень, одновременно понижая и уровень жизнеспособности как групп и сообществ, так и общества в целом [Россия как цивилизация..., 2015. С. 368–369].

Примером могут служить интенсивные заимствования институтов западного образца в постсоветский период в 1990-х гг. и позже, в том числе в тех сферах жизни общества, которые непосредственно формируют человеческий потенциал и создают условия для его применения. Деиндустриализация привела тогда к массовой деградации человеческого потенциала инженеров и квалифицированных рабочих, а также рабочих среднего уровня квалификации, поскольку разрушались институты, его востребующие. Это не значит, что общество и экономика объективно в них не нуждались, их недостаток ощущается отечественной экономикой до сих пор, а снижение уровня профессионального образования в этих областях препятствует их восполнению. Распад жёсткой идеологической системы, деидеологизация образования и воспитания в условиях отсутствия институциональных альтернатив привели к снижению способности общества противостоять распаду нравственных ориентиров, росту преступности, деструктивного и саморазрушительного поведения в различных социальных группах. Подобных примеров из истории можно привести много, в том числе реформирования систем образования и здравоохранения с нехарактерной для нашей страны ориентацией на «рентабельность» и «финансовую эффективность», приведшую к серьёзнейшим проблемам в обеих, и как результат — к снижению уровня национального человеческого потенциала, жизнеспособности общества.

Ещё одно преимущество цивилизационной теории Ш. Эйзенштадта — его идея модернизации как «вторичных осевых прорывов», вызванных новыми экзистенциальными противоречиями, требующими решения на цивилизационном уровне. Й. Арнасон считает таким экзистенциальным противоречием равно значимые императивы автономии личности и социального контроля, которое, в свою очередь, порождает противоречия

в сферах политики, экономики, идеологии и познания [Арнасон, 2011. С. 14]. Решение этих противоречий было связано с поисками новых институциональных порядков, регулирующих действия социальных агентов, и новых культурных, символических форм их осмысления. Модернизационные трансформации, произошедшие сначала в странах Запада, а затем распространившиеся по всему миру, продемонстрировали, с точки зрения Эйзенштадта, «множественность модерностей» как цивилизационных ответов на вызовы современности [Eisenstadt, 2000].

В свете этой идеи цивилизационной теории Эйзенштадта раскрывается целый ряд проблем трансформаций человеческого потенциала в условиях модернизации. Прежде всего модернизация ставит под сомнение адекватность потребностям общества накопленных ранее квалификации, знаний и опыта, поскольку прежняя мотивация и творческая активность агентов оказалась бессмысленной. Институты, регулирующие производство и использование человеческого потенциала, также быстро разрушаются, утрачивая прежнюю значимость. Так, в период интенсивного развития промышленного капитализма ремесленное производство повсеместно не выдерживало конкуренции с фабричным, а квалификация ремесленника, пусть даже виртуоза, уступала на рынке массовым навыкам фабричного рабочего. В то же время, множественные ответы на вызовы модернизации предполагают, что накопленный в каждой цивилизации человеческий потенциал разных типов может по-разному проявить себя в период трансформаций и кризиса и вызвать к жизни новые формы адаптации общества к культуре модернити.

Социалистический период в истории России стал с точки зрения теории «множественных модерностей» «коммунистическим вариантом модерна» [Эйзенштадт, 1999. С. 239–240; Арнасон, 2011]. Необходимость ускоренной индустриализации в условиях централизованной плановой экономики и качественно новые задачи, стоявшие перед обществом, потребовали и новое качество человеческого потенциала как на элитарном, так и на массовом уровне. Организатор и заведующий Центральным институтом труда в 1920-х гг. А.К. Гастев утверждал: «Очевидно, тот тип культурного человека, который нам придётся создавать в унисон с развивающимся хозяйством, будет характеризоваться не теми чертами, которые интересовали старую русскую, — начитанную, но неряшливую интеллигенцию... Самая культура в нашем понимании — есть не что иное, как техническая и социальная сноровка» [Гастев, 1972. С. 95]. Сопровождавшая советскую индустриализацию культурная революция как раз была призвана сформировать человеческий потенциал нового типа, сочетающий техническую квалификацию, соответствующую уровню индустриального общества, с идеологически инспирированной мотивацией «строителя нового общества».

В то же время сама процитированная мысль Гастева несёт в себе противоречие. Он акцентирует внимание на развитии необходимых быстро расширяющемуся промышленному производству знаний, без которых невозможна работа в новых условиях. Однако такой подход может удовлетворять требованиям к человеческому потенциалу невысокого уровня. Чем выше требования к человеческому потенциалу, тем выше должна быть общекультурная подготовка его носителей. Без этого даже специальные знания не дают полной отдачи. А доступ к таким знаниям был ограничен идеологически. При этом, чем выше уровень культуры носителя человеческого потенциала, тем сложнее ему существовать в рамках жёстких идеологических ограничений. В целом пренебрежение общекультурным развитием (которое проявляет и Гастев, говоря о «начитанной, но неряшливой» интеллигенции прошлого) — фактор, влияющий на качество человеческого потенциала. Об этом периоде нашей истории академик М.Л. Гаспаров сказал: «культура распространяется не вглубь, а вширь, образованность мельчает» [Гаспаров, 2008. С. 192].

На протяжении нескольких десятилетий советский вариант модерна демонстрировал высокие темпы развития, главным образом благодаря мотивационной составляющей

мобилизационного типа. Во время Великой Отечественной войны эта мотивация оказалась спасительной, позволила в крайне сложных условиях перестроить экономику и победить, хотя и ценой колоссальных потерь. Однако неизбежное ослабление мобилизационной составляющей привели к застою и нарастанию кризиса, который и продемонстрировал тупиковый характер советского варианта модерна.

Тем не менее до сих пор сторонников социалистического выбора в нашей стране больше, чем капиталистического: по данным опроса, проведённого Институтом социологии РАН в 2024 г., в социалистическом обществе хотели бы жить 43% опрошенных, а в капиталистическом — 15% (затруднились с ответом 34%) [*Как живёшь, Россия?...*, 2024. С. 46]. Придерживаются точки зрения, что у России должен быть *свой особый путь развития*, основанный на традиционных представлениях о справедливом экономическом устройстве в стране и в мире, 51% респондентов [Там же. С. 57].

Сторонники западной капиталистической экономики составляют меньшинство: 4% хотели бы, чтобы российская экономика развивалась по тому же пути, что США и страны Западной Европы, 13% — сторонники «шведского социализма» [Там же]. В то же время согласно исследованиям западники составляют в современной России небольшую (около 7% в массовых слоях населения), но стабильно присутствующую во всех слоях российского общества группу, характеризующуюся сходными взглядами на отношения и приоритеты интересов личности, общества и государства, пессимистически и недоверчиво смотрящую на окружающую реальность и будущие перспективы. Западники чаще встречаются среди групп с высоким уровнем культурного и человеческого потенциала — предпринимателей и самозанятых, лиц с качественным высшим образованием во втором и более поколении, в крупных городах, среди молодёжи из высокообразованных семей, получившей качественное образование, в том числе и за границей, но везде, кроме последней группы, они составляют меньшинство [Тихонова, 2023]. Это подтверждает факт, что западническое мировоззрение, появившееся в России в XVIII в. и распространившееся в XIX в., продолжает оставаться стабильным и, в силу высокого человеческого потенциала его носителей, достаточно влиятельным альтернативным цивилизационным проектом.

Цифровизация рассматривается как распространение нового технологического уклада, однако она столь сильно влияет на социальные, экономические, трудовые и прочие отношения, когнитивные и деятельностные составляющие общества, что её, как представляется, можно рассматривать как ещё одну «вторичную осевую революцию». Цивилизационный подход позволяет анализировать многие процессы, сопряжённые с цифровыми трансформациями производства и использования человеческого потенциала в разных обществах, в частности объяснить цивилизационную природу западных технологий манипулирования «nudge» (незаметное подталкивание к желаемым действиям) [Кёниг, 2003. С. 157–158], и китайские «социальные рейтинги». С позиций цивилизационного анализа можно также рассмотреть вариант цифровизации для России, который был бы наиболее эффективен для использования и развития национального человеческого потенциала.

Ещё одно значимое пересечение аналитической перспективы исследований человеческого потенциала с цивилизационной аналитической перспективой в социальном знании состоит в значимости способностей *действовать вопреки* установленному институциональному порядку и общепринятым ценностям, которая рассматривается не как социальная патология, а как важнейший элемент цивилизационного устройства, обеспечивающий развитие общества. Ш. Эйзенштадт придавал большое значение протестным, революционным, еретическим и т.п. движениям, инакомыслию, благодаря которым выдвигаются конкурирующие идеи и символы, а также соответствующие им способы институциональной регуляции «арен» социальной жизни, осуществляются социальные трансформации. В его работах, посвящённых протестным движениям и революциям [Эйзенштадт, 1999],

показано, как они повышают жизнеспособность обществ и социальных общностей в ситуациях изменения внутренних и внешних условий их существования. Выбор маргинального в рамках цивилизационной повестки России коммунистического варианта модернизации, изначально продвигавшегося незначительной группой революционеров, в начале XX в. был обусловлен несостоятельностью реализованного варианта развития в условиях войны и экономического кризиса, его неспособности как полноценно использовать накопленный человеческий потенциал, так и развивать адекватные потребностям его развития формы, такие как креативность и инициатива.

Безусловно, не все проявления инакомыслия оказываются продуктивными и для цивилизационного развития, и для накопления человеческого потенциала. Однако поиски альтернативных сценариев, ведущиеся в их контекстах, даже если эти сценарии отвергаются, способствуют развитию и закреплению таких важных сегодня качеств человеческого потенциала, как инновативность, проактивность, способность видеть мир иначе и принимать ответственные решения.

Как мы видим, цивилизационная аналитическая перспектива может многое дать для понимания процессов накопления и реализации человеческого потенциала в России, выявить препятствия и перспективы его развития.

Заключение

Понятие «человеческий потенциал» может быть весьма эвристически плодотворным, если его рассматривать как многослойную метафору. Различные смыслы, которые можно раскрыть через неё, существенно расширяют предметные области исследований возможностей человека как работника и активного агента разнообразных социальных практик, способствующих повышению жизнеспособности общества. Цивилизационная аналитическая перспектива представляется адекватным подходом к анализу человеческого потенциала конкретного общества, поскольку рассматривает активную агентность в культурно-символических и структурно-институциональных контекстах с учётом исторической контингентности, что особенно важно, поскольку последняя часто выпадает из предметного поля исследователей.

Подход к анализу цивилизаций, обоснованный Ш. Эйзенштадтом и его последователями, показывает, что каждая цивилизация формирует не какой-то специфический «самобытный» человеческий потенциал в соответствии со своим «культурным кодом», а многообразные потенциалы акторов, вовлечённых в различные, нередко конфликтующие, интерпретации цивилизационной повестки и построение соответствующих институтов социальной регуляции. Какой именно из возможных типов человеческого потенциала будет наиболее востребован и получит приоритетные возможности реализоваться, определяет как исторический выбор, так и стечение обстоятельств. Именно здесь есть возможности для целенаправленного формирования человеческого потенциала необходимого типа.

Концепция «множественной модерности» в рамках цивилизационного подхода Ш. Эйзенштадта предполагает много вариантов «вторичного осевого прорыва», каждый из которых обусловлен цивилизационной повесткой конкретного общества в конкретное время. С этой точки зрения прямое заимствование как «наиболее эффективного» западного пути невозможно, поскольку каждое общество совершает свой собственный переход к современности, но его поиски могут приводить к срывам и деструктивным тенденциям внутри обществ, подобно «коммунистическому варианту модерна» в России или маоистском Китае, приводящим к потере нереализованного человеческого потенциала. Невозможно и простое заимствование институтов производства и использования человеческого потенциала, если они не соответствуют цивилизационной повестке.

Периоды социальных трансформаций и турбулентности могут быть деструктивны для человеческого потенциала, но и могут дать импульс для его обновления и развития в качественно новых направлениях. Инакомыслие, способность действовать вопреки правилам и запретам, протестные и революционные движения, рассматриваемые в рамках цивилизационной теории Ш. Эйзенштадта как важный фактор обновления общества, способствуют, в конечном счёте, повышению его жизнеспособности, что подтверждает высочайшую значимость креативности и инновативности как составляющих человеческого потенциала общества.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абрамов Р.Н. (2008). Дефиниционистские метафоры в теоретической социологии [Adramov R.N. (2008). Definitionist Metaphor in Theoretical Sociology] // *Социологический журнал*. 2008. № 4. С. 23–34.
- Аникин В.А. (2017). Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки [Anikin V. (2017). Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations] // *Экономическая социология*. Т. 18. № 4. С. 120–156.
- Арнасон Й. (2011). Коммунизм и модерн [Arnason J. (2011). Communism and modernity] // *Социологический журнал*. № 1. С. 10–35.
- Аузан А.А. (2023). *Культурные коды экономики*. [Auzan A.A. (2023). Cultural Codes of the Economy]. — М.: Издательство АСТ.
- Ахиезер А.С. (1997). *Россия: критика исторического опыта*. Т. 1. [Akhiezer A.S. (1997). Russia: Criticism of Historical Experience]. — Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события [Balatskiy E., Pliskevich N. (2017). Economic Growth in the Context of Extractive Institutions: The Soviet Paradox and Modern Events] // *Мир России*. № 4. С. 97–117. DOI:10.17323/1811-038X-2017-26-4-71-96.
- Браславский Р.Г. (2013). Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии [Braslavskiy R.G. (2013). Civilizational Theoretical Perspective in the Sociology] // *Социологические исследования*. № 2. С. 15–24.
- Браславский Р.Г., Козловский В.В. (2023). Цивилизационный поворот в современной социологии: вклад Ш.Н. Эйзенштадта [Braslavskiy R.G., Kozlovskiy V.V. (2023). Civilizational Turn in the Contemporary Sociology: The Contribution of S.N. Eisenstadt] // *Социологические исследования*. № 10. С. 116–125. DOI: 10.31857/S013216250028309-2
- Бычкова О., Гладарев Б., Хархордин О., Цинман Ж. (2019). *Фантастические миры российского хай-тека*. [Bychkova O., Gladarev B., Kharkhordin O., Tsinman Zh. (2019). Fantastic worlds of Russian high-tech]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Гаспаров М.Л. (2008). *Записи и выписки* [Gasparov M.L. (2008). Recordings and extracts]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Гастев А.К. (1972). *Как надо работать* [Gastev A.K. (1972). How to work]. — М.: Экономика.
- Зарубина Н.Н. (2015). Инновационное развитие России в цивилизационном и институциональном контексте [Zarubina N. (2015). The Civilizational and Institutional Contexts of Innovation-Driven Development in Russia] // *Мир России*. № 2. С. 28–49.
- Заславская Т.И. (2005). Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе. [Zaslavskaya T.I. (2005). Human Potential in the Modern Transformation Process] // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5–16.
- Как живешь, Россия? (2024). *Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года*: Бюллетень / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова и др. [How are you doing, Russia? (2024). Express Information. Stage 54 of Sociological Monitoring, April 2024. (2024)]. — М.: ФНИСЦ РАН.
- Капелюшников Р.И. (2012). *Сколько стоит человеческий капитал России?* [Kapelyushnikov R.I. (2012). How Much is Russia's Human Capital Worth?]. Препринт WP3/2012/06. Серия WP3. Проблемы рынка труда. — М.: НИУ ВШЭ.
- Кёниг Г. (2023). *Конец индивидуума. Путешествие философа в страну искусственного интеллекта*. [Koenig G. (2023). The End of the Individual. A Philosopher's Journey to the Land of Artificial Intelligence]. — М.: Individuum.
- Кравченко А.И. (2016). Метафоры в социологии: новые перспективы или путь в никуда? [Kravchenko A.I. (2016). Metaphors in Sociology: New Perspectives or a Path to Nowhere?] // *Социологические исследования*. № 7. С. 125–133.
- Маккლოსки Д. (2015). *Риторика экономической науки*. [McCloskey D. (2015). The Rhetoric of Economics]. — М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

- Овчарова Л.Н., Аникин В.А., Сорокин П.С. (2023). Введение. [Ovcharova L.N., Anikin V.A., Sorokin P.S. (2023). Introduction] // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований*. — М.: ВЦИОМ. С. 5–9.
- Плискевич Н.М. (2012). *Человеческий капитал в трансформирующейся России*. [Pliskevich N.M. (2012). Human Capital in a Transforming Russia]. — М.: Институт экономики РАН.
- Плискевич Н.М. (2022). Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации [Pliskevich N.M. (2022). Institutions, Values, and Human Potential in the Context of Contemporary Modernization] // *Мир России*. Т. 31. № 3. С. 33–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-33-53.
- Плискевич Н.М. (2024). Человеческий капитал профессионалов в современной России (размышления над новой книгой Н.Е. Тихоновой и её коллег) [Pliskevich N.M. (2024). Human Capital of Professionals in Modern Russia (Reflections on the New Book by N.E. Tikhonova and Her Colleagues)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 165–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_165_179.
- Радаев В.В. (2002). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Radaev V.V. (2002). The Concept of Capital, Forms of Capital and their Conversion] // *Экономическая социология*. Т.3. № 4. С. 20–32.
- Россия как цивилизация: материалы к размышлению*. (2015). [Russia as a Civilization: Materials for Reflection (2015)]. — М.: Издательство журнала «Мир России».
- Сахарновский С.Н. (2012). Институциональные факторы формирования человеческого потенциала [Sakharovsky S.N. (2012). Institutional Factors of Human Potential Foundation] // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. Т. 4. № 2. С. 83–92.
- Соболева И.В. (2022). Риски подхода с позиций человеческого капитала для устойчивого развития [Soboleva I.V. (2022). Risks of a Human capital approach to sustainable development] // *Экономическое возрождение России*. № 1. С. 120–128. DOI: 10.37930/1990-9780-2022-1-120-128.
- Сорокин П.С., Позднухова Е.А. (2023). «Человеческий потенциал»: концептуализация понятия и обзор современных полидисциплинарных дискуссий через призму социологии. [Sorokin P.S., Pozdnukhova E.A. (2023). «Human Potential»: Conceptualization of the Concept and Review of Modern Multidisciplinary Discussions through the Lens of Sociology] // *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований*. — М.: ВЦИОМ. С. 26–39.
- Тихонова Н.Е. (2020). Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала [Tikhonova N.E. (2020). Russian Professionals: Specific of Jobs and of Human Potential. DOI: 10.31857/S013216250010300-3] // *Социологические исследования*. № 10. С. 71–83.
- Тихонова Н.Е. (2023). Специфика мировоззрения сторонников западного пути развития для России в массовых слоях населения [Tikhonova N.E. (2023). The Worldview of Supporters of the Western Path of Development for Russia among the General Population] // *Мир России*. № 4. С. 6–35. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-6-35.
- Тихонова Н.Е., Латов Ю.В., Латова Н.В., Каравай А.В., Слободенюк Е.Д. (2023). *Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы* [Tikhonova N.E., Latov Yu.V., Latova N.V., Karavay A.V. Slobodenyuk E.D. (2023). Human Capital of Russian Professionals: Status, Dynamics, Factors]. — М.: ФНИСЦ РАН.
- Шмерлина И.А. (2017). Метафора — когнитивный барьер (на примере использования понятия «институт») [Shmerlina I.A. (2017). Metaphor as a Cognitive Obstacle (Exemplified by the Concept «Institute») // *Социологические исследования*. № 10. С. 15–25. DOI: 10.7868/S0132162517100026
- Эйзенштадт Ш. (1999). *Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций*. [Eisenstadt S.N. (1999). Revolution and transformation of society. Comparative study of civilizations]. — М.: Аспект-Пресс.
- Eisenstadt S.N. (1998). Comparative Studies and Sociological Theory: Autobiographical Notes // *The American Sociologist*. Spring 1998. Pp. 38–58.
- Eisenstadt S.N. (2000). Multiple Modernities // *Daedalus*. Vol. 129. No. 1. Pp. 1–29.
- Eisenstadt S.N. (2003a). Introduction: Comparative Studies and Sociological Theory — from Comparative Studies to Civilizational Analysis: Autobiographical Notes // *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Vol. 1. — Brill Academic Pub. Pp. 1–32.
- Eisenstadt S.N. (2003b). The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Vol. 1. — Brill Academic Pub. Pp. 33–56.

Зарубина Наталья Николаевна

n.zarubina@inno.mgimo.ru

Natalya Zarubina

Dr. Sc. (Philos.), professor MGIMO University, Moscow

n.zarubina@inno.mgimo.ru

SCIENTIFIC METAPHOR «HUMAN POTENTIAL»: ANALYTICAL CAPABILITIES OF THE CIVILIZATIONAL APPROACH

Abstract. The article examines the concept of “human potential”, which has recently become widespread in the social sciences. It is shown that considering it as a multi-valued scientific metaphor opens up the prospect of research into the role and place of man in modern processes of economic and social development, in the sphere of labor and social creativity, and innovative activity. The difference from the already well-known concept of “human capital” consists not only in taking into account the personal qualities of the individual, but in new angles of research into the institutional and cultural conditions for the acquisition and accumulation of various resources, as well as the possibilities for their implementation in professional and labor, creative, social, cultural and other contexts. The metaphor “human potential” allows us to take into account and explore the connection between the past, present and future in its accumulation and implementation, as well as the connection between the individual and the collective, personal and institutional in the process of acquisition, accumulation and implementation. The modern civilizational analytical perspective, as interpreted by S. Eisenstadt, is considered as a fruitful methodological approach that allows one to study the activity of social agents in specific cultural and institutional conditions and taking into account historical contingency, i.e. explore the specifics of the human potential of specific social communities at a specific point in time. A civilizational analysis of human potential makes it possible to reveal the features of its historical formation and implementation, the nature of its diversity, dynamics in conditions of social transformation, the significance of dissent and protest movements in the emergence of new forms of human potential. The idea of “multiple modernities” substantiates the uniqueness of the paths to the formation of modern human potential of societies belonging to different civilizations. The civilizational approach also makes it possible to explain the diversity of responses of different societies to the challenges of digitalization for their human potential. The conclusion is drawn about the fruitfulness of civilizational analysis in studying the possibilities of forming and realizing the human potential of Russian society in the context of modern geopolitical challenges.

Keywords: *human potential, scientific metaphor, social transformations, institutions, civilizational analytical perspective, «multiple modernities», digitalization.*

JEL: A11, A12, A13, B41, B50.